

— На майские праздники к нам в Калининград приезжали мои родители с Ромкой - четырёхлетним сыном Милочки и Павла. Была прекрасная тёплая (для начала мая) погода, много гуляли с Митей и Ромкой, фотографировались - в Матросском парке, в зоопарке, на Московском проспекте и у памятника "1200 гвардейцам" (9 мая).

Митя, Ромка, дед Андрей и я в Калининграде 2-9 мая 1977 г.

Мама, папа, Сашуля, Ромка, Митя и я на Московском и Гвардейском проспектах 9 мая 1977 г.

Незадолго до того я получил письмо из ИЗМИРАНа от Натальи Павловны Беньковой, в котором она сообщала, что в середине мая в Москве будет доктор Вагнер из ГДР, тот самый энергичный немец, с которым я познакомился в Сочи. Он прислал телеграмму, в которой изъявил большое желание встретиться со мной. Но поскольку в Калининград его не пустят, то не мог бы я к указанному сроку приехать в ИЗМИРАН?

Я согласился и поехал.

В ИЗМИРАНе для Вагнера был устроен семинар, на котором выступали Фаткуллин, Дёминов и я. С Вагнером в этот раз приехал его молодой сотрудник Матиас Фёрстер, застенчивый, рыжеватый парень, вежливо, но дотошно расспрашивавший меня о деталях технологии наших работ по моделированию. По-русски он говорил плоховато, но

справлялся, и Вагнер ему помогал. Тот тоже старался во всё вникать и задавал мне много вопросов. Помимо общения на семинаре я отдельно провёл с ними в обсуждениях наших работ целый день.

— Вагнер со своей группой (те две молодые женщины - Гудрун и Ингрид, с которыми Вагнер был в Сочи, и вот теперь ещё Матиас) приступил у себя в Потсдаме к разработке программы модели ионосферы, аналогичной Штуббевской и нашей. Дело у них двигалось очень медленно, опыта не было никакого, трудности возникали на каждом шагу, и они старались сейчас выжать из меня максимум возможного в виде советов и консультаций.

— Я добросовестно старался подробно ответить на все вопросы, хотя для многих из них под рукой не хватало описаний наших алгоритмов и распечаток программ - с собой я не мог, разумеется, привезти всё, что им нужно, не зная, тем более, что именно их интересует. А интересовало их буквально всё, но больше - вычислительная сторона дела.

— Закончилась наша встреча несколько неожиданным для меня вопросом Вагнера:

— А Вы не хотели бы приехать к нам в ГДР, где мы могли бы поговорить в спокойной атмосфере, поработать вместе? Нас интересуют все детали.

— Я пожал плечами:

— Отчего же? Можно, конечно.

— Вагнер удивился моей не слишком активной реакции.

— Вы не любите ездить за границу? Вы были уже в ГДР?

— Да я-то с радостью. Но это не от меня же зависит.

— Мне этот разговор представлялся каким-то несерьёзным. Что меня-то спрашивать? Я-то, конечно, хочу, да кто меня пустит...

— Мы могли бы пригласить Вас к нам в Потсдам по линии КАПГ, где я являюсь руководителем одного из проектов. Вы согласны?

— Да, разумеется. Только тогда имело бы смысл вместе со мной поехать ещё кому-нибудь из наших математиков, кто бы мог лучше меня ответить на некоторые из Ваших вопросов.

— О, да! Это можно. Два человека мы можем пригласить.

— Будем очень рады.

— Мы раскланялись. Возможность поехать в ГДР мне никоим образом не показалась реальной. Наверняка, всё это говорилось из простой вежливости. И вскоре я и вовсе забыл об этом разговоре.

— В июне прискакал как-то ко мне в кирху Миша Никитин. Он пристроился со своим договором то ли у Брюханова, то ли у Гречишкина на кафедре, с нами практически не контактировал, но при случайных встречах строил радостную мину старого приятеля. Теперь он прибежал с просьбой написать рецензию на дипломную работу студентки, у которой он был научным руководителем. Я согласился.

— Работа оказалась слабенькой, но основные её дефекты были заложены уже в постановке задачи, за которую нёс ответственность сам Никитин, а не дипломантка. Это и прозвучало в моей рецензии. Мише она не понравилась, и он поступил просто: мою рецензию выкинул, а кого-то попросил написать другую. Меня это, конечно, возмутило. Чего это ради я тогда тратил своё время, читал работу, писал рецензию?

— Я взял и написал докладную протеста тогдашнему декану физмата, профессору Малаховскому, завкафедрой геометрии, до Гострема и Гречишкина бывшему единственным профессором на физмате. Тот Мишу вызывал к себе и сделал ему внушение, тем Миша и отделался...

— В том же июне я опять, уже в третий раз оказался в Иркутске, где (с 15 по 19 июня) проходил 3-й Всесоюзный семинар по моделированию ионосферы. Точнее, проходил он не в самом Иркутске, а километрах в семидесяти от него, на турбазе "Байкал", расположенной, впрочем, не на самом Байкале, а на берегу Ангары. Правда, и от Байкала недалеко, километрах в трёх от истока Ангары, то есть от того места, где она вытекает из

Байкала, и километрах в семи от Лиственичного.

— От обсерватории кроме меня ездили Кореньков и Клименко, от университета - Латышев, Захаров и Бобарыкин. На семинаре заслушивались только заказные доклады кураторов - ответственных за те или иные направления моделирования (точнее, называвшихся ответственными, ни за что они на самом деле не отвечали, а просто числились таковыми, курировали, так сказать; их назначал актив подсекции моделирования, сам из этих кураторов состоявший), в их число входили и мы с Костей - я по направлению "Моделирование ионосферных возмущений", Костя - "Численные методы моделирования".

— Запомнилась такая сцена: в холле этой довольно фешенебельной турбазы толпа народу, первый день заседаний, встречи, узнавания, раскланивания. К Косте Латышеву подходит Витя Мингалёв, радостно ему улыбается, делает движение, чтобы подать, руку, но Костя так равнодушно кивает ему головой, что Витя смущённо ретируется. А давно ли мы с Костей сидели с Мингалёвыми в их квартирке в Апатитах, пили коньяк, лечили мою подвёрнутую ногу... Но вот показался Борис Николаевич Гершман, уважаемый профессор, и Костя спешит к нему раскланяться, пожать руку.

— Разумеется, ездили на Байкал. С той поездки я привёз кусок белого камня, который подобрал где-то у железнодорожного тоннеля. Видел, как ловят хариусов, закидывая удочки прямо с берега в Байкал вблизи устья какой-то речушки. В Лиственичном я закупал то ли ром, то ли коньяк для нашей компании, а на закуску брал конфеты и чего-то там выбирал, кажется, просил, чтобы не клали одного сорта. Сзади стоял Мизун и потом всем рассказывал, что Намгаладзе просил к коньяку конфет подешевле, но при этом заявил, что сдачи не надо.

— К обратному отъезду вышла какая-то накладка с автобусами, и участники семинара, включая почтенную Наталью Павловну Бенькову, топали до турбазы пешком семь километров. Помню, я шёл с Мизуном и Любой Бурлак, хромал, так как нога после перелома ещё не вполне разработалась, но держался петухом.

Бобарыкин, Латышев, Клименко, Пономарёв, Хазанов, Часовитин, Мизун, я и другие в Лиственичном на Байкале, июнь 1977 г.

Вечерами на турбазе мы с Клименко до одури резались в настольный теннис. А однажды какая-то компания западных иностранцев уже под полночь уселась за соседним теннисным столом распивать что-то вынесенное из закрывавшегося ресторана, откуда их выперли, и им явно не хватало горючего. Я сходил в нашу комнату и принёс им чекушку водки, которой они несказанно обрадовались, приглашали и меня выпить с ними, но я отказался. Здесь на турбазе я впервые пил вместе с Арчилом Хантадзе, доктором наук из Тбилиси, который привёз с собой жену и ящик грузинского коньяка, был ещё один грузин и Лариса Абрамовна Юдович.

На одном из заседаний, в дискуссии я заспорил (по поводу граничных условий для тока на плазмопаузе) с бывшим нашим заказчиком и, можно сказать, основоположником или, во всяком случае, инициатором работ по моделированию ионосферы в Калининграде - Николаем Константиновичем Осинным, который продолжал довольно плодотворно работать, переходя из одного учреждения в другое и нигде подолгу не удерживаясь по причине известной своей слабости. На таких сборищах как этот семинар он обычно впадал в беспробудную пьянку, так что и не показывался на заседаниях. Здесь же он выполз на сцену, правда, с тяжёлого похмелья, и особенно спорить со мной ему было трудно, хотя он и пытался. На меня с того времени он, похоже, затаил обиду. Как тут не вспомнить Ростов, когда он тряс за грудки взъерошенного Власкова, не понимавшего, "что такое "ку" критическое, а туда же" - критиковавшего его докторскую диссертацию.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)